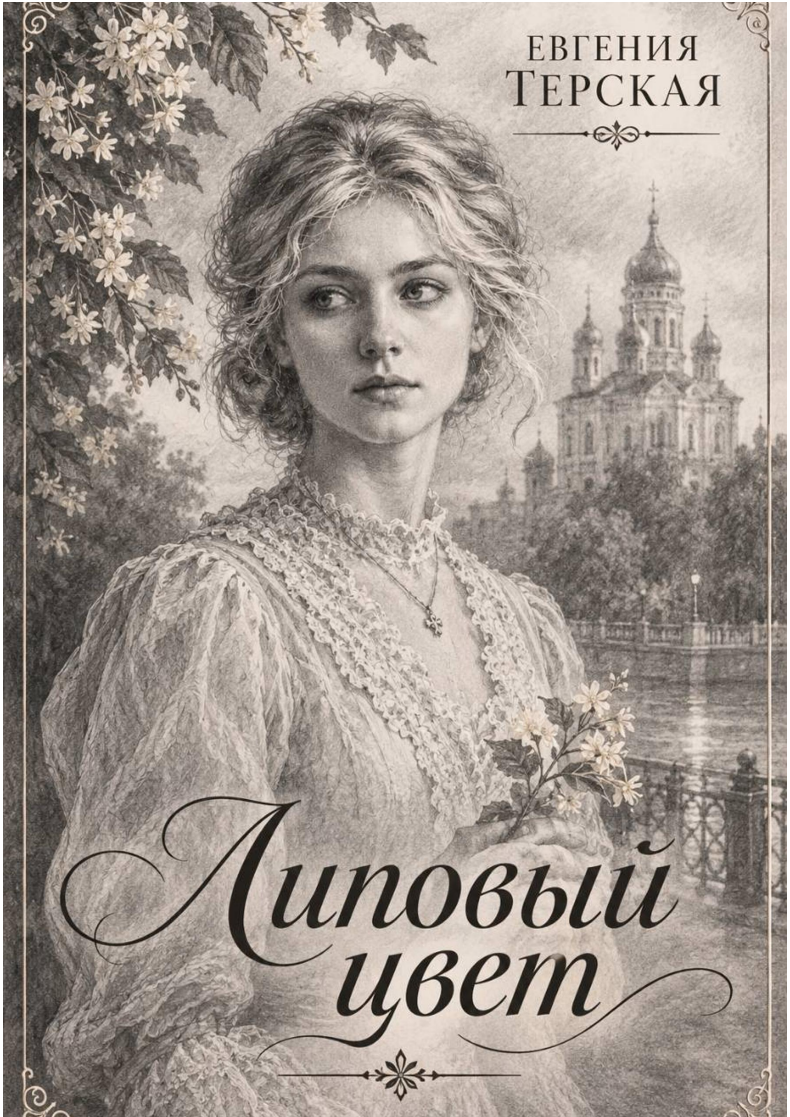

ЕВГЕНИЯ
ТЕРСКАЯ
Липовый
цвет

Евгения Терская
Липовый цвет

https://litres.ru/74796874
SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, 1913 год. Мари не хочет замуж, но отец выдает ее за князя Владимира Мещерского. Их брак — сделка: ему нужно спасти имение, ей — защиту. Между ними лишь холод и молчание.

Но когда грянет война, а следом — революция, все изменится. Вольдемар уходит на фронт и пропадает без вести. Мари бросает все: роскошь, покой, безопасность. Она становится сестрой милосердия, проходит через ад госпиталей, чтобы найти любимого.

А Вольдемар проходит через плен, ранения и расстрел, держась лишь за память о ее голосе и запахе липового цвета.

Сможет ли их хрупкое счастье пережить крах империи?

«Липовый цвет» — глубокая семейная сага о любви, которая сильнее смерти, о тайнах аристократических родов и о людях, сохранивших человечность на руинах старого мира. Роман, который читается на одном дыхании и оставляет след в сердце.

Содержание

АКТ I. ОСЕНЬ 4
Лионский вокзал 4
Возвращение в Петербург 6
Вечер у Волконских 8
Ночь после раута 11
Подслушанный разговор 13
Встреча с другом 16
Сделка 18
Новость 22
Ночь разговоров 25
Дом Орловских 27
Метания князя 29
Разговор супругов 30
Императорский бал 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Евгения Терская
Липовый цвет

АКТ I. ОСЕНЬ

Лионский вокзал

Осень 1913 года выдалась в Париже на удивление тёплой. Солнце ещё не спешило уступать свои позиции, и Лионский вокзал был залит золотистым светом, который просачивался сквозь высокие стеклянные своды и ложился на плечи спешащих пассажиров. Мари стояла у вагона, не замечая суеты вокруг.

Она не помнила, когда впервые надела этот кулон. Он был с ней столько, сколько она себя помнила. Иногда ей казалось, будто она проснулась не одна. Но комната всегда была пуста. Только запах липового цвета ещё несколько мгновений держался в воздухе, и она не могла понять, откуда он взялся.

Проводник обратился к ней по-французски, и она ответила без малейшего акцента — так, как говорят люди, прожившие в этой стране семь лет. Она улыбнулась ему, поблагодарила, поднялась в вагон. Только когда поезд тронулся, её пальцы сжали перчатку так сильно, что побелели костяшки.

Она не знала, что ждёт её в Петербурге. Она знала только, что за этим окном остаётся Париж, а впереди — Россия, страна, в которой она родилась, но которую почти не помнила.

— Прощай, — прошептала она.

И не знала, к кому обращается.

Возвращение в Петербург

Поезд шёл почти трое суток. Мари почти не спала — она смотрела в окно на бесконечные поля, леса, деревянные избы, мелькающие хутора. Где-то между Варшавой и Вильно она достала дневник, который вела ещё в пансионе, и попыталась записать свои мысли. Но слова не складывались.

Она думала о доме. О том, каким он был, когда она уезжала. О том, каким он станет, когда она вернётся.

— Кто ты? — спросила она у своего отражения в стекле.

Ответа не было.

Петербург встретил её сыростью. Не дождём, нет — той особенной, липкой влагой, которая проникает сквозь одежду, оседает на лице и пахнет железом, водой и чем-то неуловимо тревожным. Мари вышла на перрон и остановилась.

Вокзал жил своей жизнью: носильщики перекликались, извозчики ждали у выхода, пассажиры спешили мимо, не глядя друг на друга. Где-то в толпе звенел детский голос, кто-то смеялся, кто-то спорил. Мари вдруг поняла, что слышит русскую речь, и это было странно — не слышать французскую.

Она подняла голову, и только тогда увидела купол Исаакиевского собора, серый и тяжёлый, как будто он давил на город.

— Мари! Мари! Мы здесь!

Аня бежала к ней, размахивая руками. За ней шёл граф, высокий, сухой, с седыми бакенбардами. Он улыбался.

Мари не сдержалась. Она шагнула навстречу и обняла их обоих.

— Я дома, — сказала она.

И в этот момент она почти поверила в это.

Вечер у Волконских

Экипаж мягко катился по мокрой брусчатке. Аня сидела напротив Мари, поправляла кружево на платье, выглядывала в окно, потом снова поворачивалась к сестре и улыбалась.

— Ты боишься? — спросила она.

Мари качнула головой.

— Немного. Но я с тобой.

Аня сжала её руку.

Граф смотрел на них — на этих двух девушек, которые были его дочерьми. Он хотел, чтобы сегодняшний вечер стал для них началом новой жизни. Чтобы Мари почувствовала себя дома. Чтобы Аня перестала стесняться.

Экипаж остановился у особняка на тихой улице. За чугунной оградой угадывался сад, в окнах горел тёплый свет. У входа их встречала сама княгиня Волконская — женщина с сединой в волосах и добрыми глазами.

— Граф Бестужев! — воскликнула она, целуя его в щёку. — А это ваши девочки? Какая прелесть! Проходите же.

Она взяла Мари за руку, словно они были знакомы всю жизнь.

— А вы, я слышала, из Парижа? Надеюсь, вы не соскучитесь в нашем Петербурге.

Мари улыбнулась.

В гостиной было шумно. Кто-то играл на рояле, в сосед-

ней комнате спорили о новом спектакле. Молодой офицер пытался разгадать шараду, которую загадала хозяйка.

Мари стояла у колонны, прислушиваясь к разговорам, когда вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Подняла глаза.

В дальнем конце зала стоял высокий мужчина в генеральском мундире. Он не пытался приблизиться. Но смотрел на неё так, словно время ошиблось.

Мари первой отвела взгляд.

Она не знала, кто он. Но в груди у неё вдруг что-то дрогнуло.

Граф, стоящий рядом, заметил этот взгляд. Он узнал его. Слишком хорошо узнал.

— Кто это, папа? — спросила Аня.

— Князь Орловский, — ответил он.

И в этот момент граф на мгновение провалился в воспоминание.

— Сергей… я должен тебе кое-что сказать.

— Не надо.

— Но она…

— Если ты сейчас произнесёшь её имя, я попрошу тебя уйти.

Дверь закрылась.

Больше они никогда не были друзьями.

Граф вернулся в реальность. Орловский стоял в том же

зале, в двадцати шагах от него. Он не подошёл к Мари. Он просто смотрел.

Не снова. Только не с ней.

— Идём, — сказал граф, касаясь локтя Мари. — Я провожу тебя в библиотеку.

— Но я только что…

— Позже.

Он ответил резче, чем хотел. Мари удивлённо посмотрела на него, но не стала спорить.

В библиотеке она села в кресло и спросила:

— Что случилось?

Он молчал. Он не мог сказать ей, что узнал этот взгляд. Когда-то он уже видел его. И слишком хорошо помнил, чем всё закончилось.

— Ничего, — сказал он.

Она не поверила ему.

Ночь после раута

Граф вернулся домой после вечера у Волконских. Молчаливый, отрешённый. Он прошёл в кабинет, закрыл дверь и долго сидел в темноте, глядя на пустой лист бумаги перед собой. Слова застряли в горле. Он не сказал главного, не назвал имени девочки, которую уже начал любить.

Дверь приоткрылась, впустив маленький луч света.

Софья Андреевна, её платье тихо шуршало по паркету, вошла в кабинет. В руках она держала чашку.

— Коленька, ты сегодня не ужинал.

— Я не голоден, Соня.

— Как скажешь, дорогой. Я просто принесла тебе мятный чай с малиновым вареньем. Сегодня зябко на улице, того глядишь простудишься.

Граф взял чашку из рук жены. Её пальцы были тёплыми, и он вдруг понял, что она — единственное, что согревает его в этом холодном мире. После того как они потеряли малыша, он думал, что никогда не сможет снова чувствовать тепло. Но Соня не дала ему угаснуть.

— *Ты мой ангел*, Сонечка, — сказал он и нежно поцеловал её запястье.

Она улыбнулась своей тихой улыбкой — той самой, из-за которой ему всегда казалось, что дома ничего плохого случиться не может.

— Я знаю, что ты не можешь рассказать мне всего, — сказала она. — Но я здесь. Я с тобой. Ты не один.

Он сжал её руку. И впервые за весь вечер почувствовал, что поступил правильно. Что бы ни случилось дальше.

Граф открыл глаза. Софьи не было уже много лет. Но её свет жил в нём.

Он взял перо. Чернила медленно растеклись по бумаге.

«Она не должна повторить её судьбу».

Только после этого он начал писать.

Подслушанный разговор

Наутро он почти решил, что нужно ехать к старому другу — доктору Андрею Ивановичу, с которым они когда-то вместе служили. Он надел сюртук, взял трость, уже собирался выходить, когда проходил мимо комнаты Ани. Дверь была приоткрыта, и он услышал голоса.

Аня сидела на подоконнике, болтая ногами, а Мари расположилась в кресле с книгой.

— Ну а ты слышала про князя Мещерского? — спросила Аня, звеня чайной ложкой о край чашки.

— Мещерского? — переспросила Мари, не отрываясь от чтения. — Нет. А что?

— Говорят, он необыкновенно красивый! И служит в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку. В Царском Селе. Ты представляешь? Царскосельский гусар!

Мари подняла глаза и скептически посмотрела на сестру.

— Красота ещё ни о чём не говорит, — сказала она, возвращаясь к книге.

— Ну, этот особенно, — заговорщицки понизила голос Аня. Она спрыгнула с подоконника, подошла ближе и почти шёпотом добавила:

— Тётушка Лидия сказала, что он прямо байронический герой.

Мари наконец отложила книгу и подняла голову:

— Это что значит?

— Не знаю. Но звучит ужасно. Кажется, это про таких мужчин, с которыми приличным девушкам нельзя даже разговаривать, потому что они делают... ну... — Аня замялась, подбирая слово, потом выпалила: — ...всякое *choses inconvenantes*.

Мари приподняла бровь, глядя на сестру с лёгкой насмешкой:

— Ты-то откуда знаешь, что они делают?

— Понятия не имею, — честно призналась Аня. — Но мадемуазель Бове всегда так говорила, когда сердилась на кого-то. А она сердилась часто.

Мари не сдержала улыбки.

— И ещё, — продолжила Аня, уже входя в роль, — тётушка Лидия говорила, что после таких мужчин приличные девушки либо плачут, либо выходят за них замуж.

Мари засмеялась:

— Тётушка Лидия, кажется, читает слишком много романов.

— Или она знает, что говорит, — парировала Аня, приподняв бровь с важным видом. — Скажи честно: если бы ты встретила его, ты бы испугалась?

— Я бы сначала посмотрела, — сказала Мари, закрывая книгу. — А потом решила бы.

— А я бы, наверное, испугалась, — призналась Аня. — И убежала.

— А потом бы написала роман, — усмехнулась Мари.

— Ну конечно! — Аня рассмеялась. — И герой в нём был бы ужасно порочным и красивым. И имя у него было бы благородное. И он бы искал меня по всему Петербургу...

— Аня...

— ...и стоял бы под моим окном в полной луне...

— Аня!

— ...и звал бы меня по имени...

— Ты невозможна, — сказала Мари, качая головой, но в голосе её слышалась улыбка. — Ты не представляешь, как я по тебе скучала.

Аня подошла к сестре и, присев на корточки, положила голову ей на колени, как в детстве, когда та читала ей сказки.

— А я — по тебе, — тихо сказала она. — Ты была далеко, а я даже не могла по-настоящему выйти в свет, потому что без тебя как-то неловко. С папой, конечно, хорошо, но... у тебя есть смех, которого мне так не хватало.

— Ну теперь я здесь, — сказала Мари, положив руку на её голову.

Их смех звенел в коридоре.

Граф замер у двери.

«Байронический герой… приличные девушки либо плачут, либо выходят замуж…»

Он тихо прикрыл дверь.

И медленно пошёл дальше по коридору.

Встреча с другом

Доктор Андрей Иванович встретил его в своём кабинете, где пахло книгами и табаком. Граф сразу перешёл к делу:

— Что ты знаешь о князе Мещерском?

Доктор посмотрел на него поверх очков. Помолчал, потом взял трубку, раскурил её и только после этого ответил:

— О нём говорят разное.

— А ты что скажешь?

Доктор медленно затянулся.

— Если бы ты спросил меня, доверил бы я ему жизнь на поле боя, я бы сказал — без колебаний. Если бы ты спросил, доверил бы я ему состояние, — ни за что. А дочь...

Доктор замолчал.

— Вот на этот вопрос я тебе не отвечу.

Граф опустил голову.

— Я смотрю на людей, когда им больно, — сказал доктор. — И знаешь, что я понял за эти годы? Почти все они — совсем не те, кем их считают в гостиных. Картёжник не всегда плох, как и герой не всегда хорош. Есть люди, которые вытаскивают раненых, а потом проигрывают всё до нитки, потому что не умеют жить иначе.

— Ты думаешь, он способен причинить зло?

— Думаю, он способен на многое, — сказал доктор. — И на зло тоже. Вопрос не в этом. Вопрос в том, готов ли он сам

нести последствия того, что делает.

Он замолчал, потом добавил:

— Я бы на твоём месте узнал, кому именно он проиграл. И сколько.

Граф кивнул. Он получил то, за чем пришёл.

Сделка

Вольдемар вошёл в кабинет без спешки.

Коротко поклонился.

— Граф.

— Князь.

Граф указал на кресло. Вольдемар сел. Его руки спокойно легли на изящные подлокотники. Он держался так, словно находился не в доме человека, который собирался купить его фамилию, а на официальном приёме.

Несколько секунд оба молчали.

— Благодарю, что откликнулись на моё письмо, — начал граф.

— Вы написали, что дело не терпит отлагательств.

— Именно так.

Граф помедлил.

— Я буду говорить прямо.

Вольдемар едва заметно кивнул.

— Я хочу предложить вам брак с моей дочерью.

В кабинете стало так тихо, что было слышно, как в камине осыпается зола.

Лицо князя не изменилось.

Лишь пальцы на мгновение сильнее сжали подлокотник кресла.

— Продолжайте.

— За Мари будет дано достойное приданое. Достаточное, чтобы...

— Я понял.

Граф замолчал.

Он ожидал возмущения. Отказа. Насмешки.

Но князь сидел неподвижно.

Только взгляд его стал холоднее.

— Вы предлагаете мне продать имя моего рода.

Это был не вопрос.

Граф выдержал этот взгляд.

— Я предлагаю вам союз, который будет выгоден нам обоим.

Едва заметная усмешка тронула губы Вольдемара.

Не весёлая.

Горькая.

— Любопытно, как по-разному можно назвать одну и ту же вещь.

Он отвёл взгляд к окну.

За стеклом моросил мелкий осенний дождь, размывая очертания сада, стирая границы его прежней жизни.

Старый княжеский герб, висевший когда-то над воротами Мещерских, всплыл в памяти так ясно, будто он видел его сейчас.

Сколько поколений носили эту фамилию.

И вот теперь её цена названа.

Он медленно поднялся.

Граф тоже встал.

— Я ещё не услышал вашего ответа.

Вольдемар долго молчал.

Потом произнёс ровно:

— Если бы обстоятельства были иными...

Он не договорил.

В этом не было смысла.

Оба понимали.

— Я согласен.

Граф едва заметно выдохнул.

— Благодарю.

— Не благодарите.

Князь впервые за всё время посмотрел ему прямо в глаза.

— Есть вещи, за которые не благодарят.

Он направился к двери.

Уже взявшись за ручку, остановился.

Не оборачиваясь, спросил:

— Она знает?

— Пока нет.

Молчание.

— Это хорошо.

Граф нахмурился.

— Почему?

— Потому что, если она разумна, — тихо сказал Вольдемар, — сегодня она ещё счастлива.

Он открыл дверь и вышел.

Граф долго смотрел ему вслед.

Почему-то именно сейчас ему впервые стало жаль не только Мари.

Но и этого молодого князя, который только что заплатил за спасение своей фамилии тем единственным, что у него ещё оставалось, — собственной гордостью.

Новость

Граф сидел в столовой один, когда она вошла. За окнами падал снег, крупный, густой, словно город пытался укрыть себя от чего-то страшного. Мари остановилась на пороге, увидев его лицо, и поняла: что-то случилось. Он не смотрел на неё, он смотрел в чашку с остывшим чаем, и пальцы его слегка дрожали.

— Папа, ты хотел меня видеть?

Он поднял глаза. В них была такая усталость, что Мари на мгновение испугалась. Но он улыбнулся — той самой улыбкой, которую она помнила с детства, когда он пытался скрыть что-то плохое.

— Я должен тебе кое-что сказать, — начал он. — Это касается твоего будущего.

— Что-то случилось?

— Случилось, — сказал он. — Я договорился о твоей помолвке. С князем Мещерским.

Слово «помолвка» повисло в воздухе. Мари смотрела на графа, пытаясь найти в его лице объяснение, но его глаза молчали.

— Ты не спросил меня, — сказала она наконец.

— Я знаю.

— Ты даже не дал мне права выбора.

— Я знаю, — повторил он тихо.

Она встала. Стул скрипнул по паркету.

— Зачем? — спросила она, и голос её дрожал. — Зачем ты это делаешь? Ты ведь знаешь, что я не хочу замуж. Ты знаешь, что я хочу узнать правду о себе. А ты… ты продаёшь меня, даже не спросив.

Граф поднял на неё глаза.

— Я делаю это ради тебя, — сказал он. — Ты не понимаешь, что такое быть беззащитной в этом мире. Ты не знаешь, как жестоко относятся к тем, у кого нет имени. Мещерский даст тебе защиту. Он даст тебе статус. Ты не обязана его любить. Достаточно сохранять приличия.

— Ты хочешь, чтобы я притворялась?

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Мари сжала кулон на шее так сильно, что металл впился в ладонь.

— Я не хочу быть в безопасности ценой своей свободы, — сказала она. — Ты всегда говорил, что я могу выбирать. А теперь ты выбираешь за меня.

— Иногда любовь — это принимать решения, которые кажутся жестокими, — сказал граф. — Я не хочу причинять тебе боль, но я не вижу другого выхода.

Она смотрела на него долго.

— Я соглашусь, — сказала она наконец. — Потому что я не хочу, чтобы ты страдал. Но я не прощу тебя за это. Не сейчас.

Она вышла из комнаты, и граф остался сидеть за столом,

глядя на закрывшуюся дверь.

Ночь разговоров

Мари сидела на кровати, глядя в темноту. Она не плакала. Слёзы застряли где-то внутри. Метель набирала силу. В комнате было холодно.

Дверь тихо приоткрылась, и в комнату заглянула Аня.

— Мари? Ты не спишь?

Мари покачала головой.

Аня села на край кровати, рядом с сестрой. Взяла её руку и сжала.

— Папа мне сказал, — тихо сказала она. — Я не понимаю… зачем он так?

— Он сказал, что это ради меня, — ответила Мари глухо.

— Но я же понимаю, — сказала Аня, и в голосе её послышалась злость. — Я тоже не хочу замуж за того, кого выберет папа. Я хочу за того, кого выберу сама. И ты тоже имеешь право выбрать.

Мари повернулась к ней. В её глазах блеснули слёзы.

— Я так ждала этого возвращения, — сказала она. — Я думала, что мы будем вместе. Что я наконец узнаю, кто я. А теперь…

Аня придвинулась ближе и положила голову ей на плечо.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — прошептала Аня. — Я ждала тебя так долго. И теперь… зачем ему нужно было тебя выдавать замуж?

Мари обняла её одной рукой.

— Я не уйду, — сказала она, но голос её дрожал. — Не сейчас. Я найду способ. Я не выйду замуж за человека, которого не знаю.

— А что ты будешь делать? — спросила Аня.

— Не знаю, — честно ответила Мари. — Но я не сдамся.

Дом Орловских

Особняк Орловских стоял в самом центре Петербурга. Высокий, величественный, с колоннами и гербом над входом, он казался скорее музеем, чем домом. Внутри было холодно — не от температуры, а от ощущения, что здесь никогда не звучал смех.

Княгиня Ирина Константиновна часто сидела в своей гостиной, глядя в окно. На её плечах всегда была пушистая шаль. Она носила её даже в комнатах, потому что нигде не чувствовала тепла.

Она вошла в супружескую спальню. Комната была выполнена в нежно-голубых тонах, посреди стены располагался изразцовый камин. На огромной кровати с балдахином лежало множество атласных подушек. Вся комната была наполнена красивым убранством: картины, гобелены, лепнина.

Но этот камин не грел её уже двадцать лет.

Она думала о той ночи, когда всё рухнуло. Когда она держала на руках новорождённую Татьяну и ждала, что муж войдёт. Он вошёл. Но в его глазах она прочитала пустоту.

Она родила Александру через три года, надеясь, что если попытается снова, всё исправится. Но он не вернулся. Он стал ещё более отстранённым. После рождения Александры они больше никогда не были близки.

В этом доме жили трое её детей.

Георгий, старший, делал блестящую военную карьеру. Он женился на принцессе германской крови, и это было правильно. Она никогда не говорила ему о любви. Она не умела.

Татьяна, двадцать три года, была точной копией матери. Холодная, сдержанная, безупречная. Она не верила в любовь. Она приняла брак по расчёту как неизбежность.

Александра, двадцать лет, была совсем другой. Живая, открытая, тёплая. Она была единственной, кто могла разговорить отца. Но она боялась однажды стать холодной, как мать. Как Татьяна.

Метания князя

Он не мог заснуть.

Князь Орловский сидел в своём кабинете, глядя на чистый лист бумаги. Он уже несколько раз брал перо, обмакивал его в чернила, но слова не шли.

Он хотел написать той девушке. Но он не знал, что написать.

«Я хочу увидеть вас снова», — это было бы слишком прямо. «Мне кажется, я знаю вас», — это было бы ложью. Он не знал её. Но он знал, что она напоминает ему кого-то, кого он давно потерял.

Он рвал бумагу.

Он думал о Катеньке. О том, как он разрушил её жизнь, потому что был слаб и не умел бороться за любовь. И теперь, спустя столько лет, он увидел девушку, которая выглядела так, будто время ошиблось.

Он хотел поехать к графу. Узнать. Но он знал, что граф не скажет ему правды.

Он остался сидеть в темноте, глядя на разорванные листы.

Разговор супругов

Княгиня вошла в его кабинет без стука.

— Ты что-то скрываешь, — сказала она. — Я знаю тебя слишком хорошо, чтобы думать, что я ошибаюсь.

Он опустил глаза.

— Я встретил одну девушку, — сказал он наконец. — Она напоминает мне… кого-то, кого я знал раньше.

— Кого? — спросила она.

Он помолчал.

— Ты не хочешь знать, — сказал он.

Она посмотрела на него. Она поняла, о ком он говорит.

— Ты думаешь о ней до сих пор, — сказала она. — После всех этих лет.

— Я не могу забыть её, — сказал он. — И я не могу забыть, что я сделал.

Она подошла ближе.

— Ты всегда был слаб, Сергей Владимирович, — сказала она. — Ты выбирал лёгкость вместо правды. И ты продолжаешь это делать.

Она развернулась и вышла.

Императорский бал

Экипаж графа Бестужева остановился у главного входа Зимнего дворца. Мари, опираясь на руку графа, ступила на мокрую брусчатку. Аня, не в силах скрыть волнения, поправила кружево на платье.

— Держитесь рядом, — сказал граф. Он знал, что Орловский будет здесь.

Они вошли в бальный зал, и Мари зажмурилась от света. Хрустальные люстры горели тысячами свечей, зеркала множили пространство, и всюду — кружево, мундиры, шёпот, смех.

Голицын ждал Орловских уже около получаса. Они задерживались, а музыка играла, и ему не хотелось стоять у стены. Он заметил молодую девушку в светло-розовом, расшитом жемчугом платье — она стояла у колонны, глядя на танцующих, и он решил пригласить её на котильон. В полумраке зала он не разглядел её лица, только светлые волосы, розовый шёлк, лёгкую улыбку. Она приняла приглашение вежливо, легко улыбнулась. Отвечала точно и без жеманства — он поймал себя на мысли, что давно не встречал собеседницу, с которой разговор не требовал усилий.

Когда музыка стихла, в зал вошли Орловские. Голицын проводил свою партнёршу к месту и увидел, как Татьяна, только что переступившая порог, заметила его. Она видела,

как он держал за руку незнакомую девушку, как улыбался ей. Что-то острое кольнуло её внутри.

Она подошла, холодно поздоровалась с Мари, едва коснувшись её пальцев. Мари почувствовала неловкость, быстро извинилась и отошла.

Позже Вольдемар подошёл к графу и его дочерям. Он двигался с лёгкой, почти небрежной грацией. Тёмно-зелёный мундир с золотыми шнурами сидел на нём безупречно, но в улыбке не было тепла.

— Князь Мещерский, — представил его граф. — Моя старшая дочь, Мария Николаевна, и моя младшая дочь, графиня Анна Николаевна.

Вольдемар взял руку Ани и поднёс к губам. Та вспыхнула.

— Я слышал, вы только что из Парижа, Мария Николаевна, — сказал он, переводя взгляд на Мари. — И говорят, ваш французский безупречен.

Мари смотрела на него — на его холодные синие глаза, на его привычную, отработанную улыбку.

— Мария Николаевна, могу ли я иметь честь пригласить вас на мазурку? — спросил он, протягивая руку.

Мари подняла голову.

— Я не танцую с теми, кто делает вид, что ему интересна моя жизнь, — сказала она громко. — Оставьте свои комплименты тем, кто готов их принимать, князь. Я не из их числа.

Она развернулась и отошла.

Повисла тяжёлая тишина. Граф перевёл взгляд с уходя-

щей Мари на Вольдемара, и в его глазах мелькнула боль.

Вольдемар проводил её взглядом. Ухмыльнулся, но в ухмылке была и обида, и любопытство.

— Ваша старшая дочь, граф, — сказал он тихо, — умеет удивлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.